

HARLEQUIN®

На что он пойдет
ради спасения возлюбленной...

USA TODAY BESTSELLING AUTHOR

Мария ФЕРРАРЕЛА

ПОЛИЦЕЙСКИЕ
ТОЖЕ ЛЮБЯТ

Романтический триллер

Мария Феррарелла

Полицейские тоже любят

«Центрполиграф»

2010

Феррарелла М.

Полицейские тоже любят / М. Феррарелла — «Центрполиграф», 2010

Офицер полиции Райли Макинтайр совсем не рада, что ей придется работать в паре с бывшим соучеником по полицейской академии Сэмом Вьяттом, — красавчик Сэм уж очень раздражает Райли своими неуместными колкими высказываниями. Вместе они должны пресечь череду квартирных краж в городе. Но жизнь Вьятта между тем делает крутой поворот — теперь он должен заботиться о своей шестилетней дочери Лайзе, о существовании которой не имел ни малейшего понятия! Не зная, что делать с малышкой, полицейский во всем полагается на советы Райли. Однако вскоре их рабочие отношения сменяются очень глубокими взаимными чувствами...

© Феррарелла М., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мария Феррарелла

Полицейские тоже любят

*Посвящается Сэму Уоррену, который одолжил мне свое имя.
Надеюсь, книга тебе понравится*

Глава 1

– Она беспокоит меня, Брайан.

Взгляды Лайлы Кавано и ее мужа встретились в продолговатом зеркале, висевшем в ванной над сдвоенной раковиной, выложенной кафельной плиткой сизого, как лед, цвета.

– Раньше она никогда себя так не вела.

Супруги торопились отправиться на работу пораньше по совершенно разным причинам.

Брайану Кавано, шефу отдела детективов полиции Авроры и начальнику Лайлы в полицейском участке, не нужно было спрашивать жену, кто такая *она*, несмотря на то что эти слова его супруга произнесла уже после того, как вышла из состояния хандры.

Лайла имела в виду свою младшую дочь Райли Макинтайр.

Райли, как и два ее брата, сестра и мать, служила в полиции. Она была детективом и в конечном счете подчинялась Брайану Кавано. Еще пару месяцев назад двадцативосьмилетняя Райли выглядела беззаботной, общительной и жизнерадостной молодой женщиной, которая с улыбкой встречала каждое утро и не переставала острить. Ее голубые до синевы глаза всегда сияли. Если бы Брайану надо было выбрать из приемных детей самого оптимистичного и жизнелюбивого, его выбор пал бы на Райли.

Однако недавнее убийство ее напарника, детектива Диего Санчеса, тем самым серийным убийцей, которого она преследовала вместе с остальными сотрудниками спецподразделения, все изменило. Райли притихла, замкнулась, а временами была просто неприступной.

Это и тревожило Брайана.

Она напоминала ему племянницу Рэйну, самую младшую из детей его старшего брата Эндрю. Сразу после исчезновения своей матери, которая, как полагали, была убита, Рэйна стала неадекватной. Начались ее приводы в полицию, несмотря на то что Эндрю был тогда шефом полиции Авроры. К счастью, через некоторое время Рэйна образумилась и заслужила у всех добрую репутацию.

Райли, конечно, была вполне адекватной, но нельзя было не видеть, что она переживает сверх меры.

Навсегда ли изменилось ее поведение или только временно?

– Она утверждает, что с ней все в порядке, но я вижу, что дело обстоит не так, – продолжала Лайла. Она оставила попытку наложить макияж и повернулась к мужу. – Я не хочу, чтобы она патрулировала улицы в таком состоянии, Брайан. Эта служба трудна, даже когда у тебя легко на душе, каково же ей теперь. – Лайла не терпела просить послаблений даже у своего мужа, но сейчас речь шла о дочери. – Почему бы тебе, как начальнику, не приказать ей отдохнуть некоторое время, пока она не вернется в прежнее состояние.

Лайла давно примирилась с тем, что все дети последовали примеру покойного мужа и ее собственному, поступив на полицейскую службу. Она старалась не тревожиться об этом, однако новый поворот событий лишил ее равновесия, она всерьез беспокоилась за здоровье Райли, не говоря уже о ее жизни.

– Я бы мог, – медленно произнес Брайан. Он взглянул Лайле в глаза. – Но не буду.

Лайла была разочарована до глубины души. Она рассчитывала на поддержку мужа.

– Но, Брайан...

– Лайла, поставь себя на место Райли. Ведь тебя ранили, и ты едва не умерла у меня на руках несколько лет назад. Что ты думаешь после этого о том случае? – Брайан сознательно не касался того, что чувствовал он сам, видя, как она падает на землю, и что творилось в его мозгах, когда он собственными руками пытался остановить выходящую из нее кровь, отчаянно старался помешать жизни выпорхнуть из ее тела.

Губы Лайлы сложились в мрачном изгибе.

– Это было ужасно, – согласилась наконец она.

Она долго после того, как залечили ее огнестрельную рану, продолжала думать так же. Ее первый муж, Бен Макинтайр, воспользовался ранением, чтобы повлиять на нее. Одержимый ревностью и подозревая ее в связи с Брайаном, в то время ее партнером по службе, Бен принудил Лайлу уйти из полиции и стать полноценной женой и матерью. Хотя Лайла любила детей, ей претило быть в стороне от жизни, которая так много для нее значила.

Оставив службу, она как бы лишилась половины своей натуры.

– Что я могу сделать, – сказал Брайан, – так это показать Райли полицейскому психиатру.

– Хулигану? – Даже произнося имя этого человека, Лайла качала головой. Хмурое выражение лица еще больше подчеркивало ее неодобрение.

Брайан считал себя справедливым человеком и всегда был готов выслушать мнение оппонента. Повернувшись к жене, он прислонился бедром к раковине и скрестил руки на своей еще довольно загорелой груди.

– О'кей, что ты имеешь против Хулигана?

После того, как ее подстрелили, и до того, как Бен вынудил ее бросить полицию, она сама была на приеме у психиатра. Лайла запомнила этот прием как не очень приятный опыт.

– Ну, вообще, я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме робота, мог общаться с этим человеком.

Этот прием, холодный, безжизненный взгляд мужчины, оставил в ее душе неприятное ощущение, которое не прошло до сих пор.

– Он какой-то безликий, бесчувственный и, откровенно говоря, приводит меня в дрожь.

На короткий миг Брайан задумался. Его собственное общение с психиатром сводилось к случайным встречам в вестибюле и обменам кивками. У него не было оснований защищать этого человека.

– Ладно, найдем для Райли кого-нибудь еще. Это будет заданием для тебя, – ласково проворковал он и быстро чмокнул ее в висок.

Уголки рта Лайлы приподнялись, когда она уперлась рукой в бедро.

– А что же ты станешь делать, пока я буду искать для Райли подходящего врача?

– Ты имеешь в виду, что я буду делать, помимо руководства детективами? – спросил он невозмутимо. И вспомнил о том, из-за чего собирался на работу так рано. – Я приму окончательное решение по поводу нового партнера для нашей дочери.

Лайла улыбнулась. Ей понравилось упоминание Райли в качестве «нашей дочери», несмотря на то что их объединенные семьи насчитывали восемь взрослых детей. Он вполне мог разделить их на две группы «твоих» и «моих» ребят. Вместо этого они стали «нашими». Так поступали в семействе Кавано, и это был один из многих мотивов, по которым она любила этого мужчину так сильно.

– У тебя есть кто-нибудь на примете? – полюбопытствовала она.

Он снова посмотрелся в зеркало, с целью убедиться, что чисто выбрит.

– Да, я имею в виду вполне определенного человека.

– Назовешь имя или я должна догадаться сама?

Брайан отвернулся от зеркала. Его глаза чуть просветлели.

– Зависит от того, – начал он лукаво, – что ты хочешь предложить в обмен на информацию.

Лайла взглянула на часы.

– Через полчаса, – напомнила она, – мы оба должны быть в участке.

Он пожал широкими плечами, имитируя беззаботность.

– В короткое время можно сделать много дел, госпожа Кавано, – ответил он, нежно проводя губами по ее шее.

«Брайан легко может заставить мое сердце учащенно биться», – подумала Лайла. Она сомневалась, что когда-нибудь привыкнет к этому. Или сочтет само собой разумеющимся.

– Значит, мы пропустим завтрак, – пробормотала она в некотором затруднении, поскольку он заставил ее прерывисто дышать.

– Еда не всегда самое важное занятие, – парировал Брайан, медленно двигаясь поцелуями к горлу. Кончиками пальцев он поднял ее подбородок, чтобы обеспечить себе больше места для ласк.

Лайла перестала делать вид, будто торопится на работу. Она обвила руками шею мужа.

– Считай, что завтрак пропал, – прошептала она, поддаваясь влечению.

* * *

– Но я не хочу перевода в другой отдел, – запротестовала Райли, шокированная предложением.

Она находилась в кабинете отчима. Этим утром Райли нашла на своем столе записку, уведомляющую ее о том, что шеф детективов желает с ней поговорить. Она шла к нему, понимая, что разговор будет носить официальный характер, потому что в ином случае Брайан воспользовался бы телефоном и позвал ее обсудить проблему дома.

Однако она не ожидала столь неприятного сюрприза.

– Знаю, что не хочешь, – ответил Брайан доброжелательно, но твердо, – однако я решил именно так.

Райли неохотно принимала перемены, тем более сейчас.

– Я работаю в отделе убийств с того времени, как стала детективом. – Ее переполняло отчаяние, и она изо всех сил стремилась подавить это чувство. – Я сделала что-то не так? Если дело в этом, то скажи, в чем моя вина, и я...

Брайан прервал ее.

– Нет, все в порядке. Ты не сделала ничего предосудительного, – проговорил он отчетливо. – Ты ценный сотрудник полиции, и весьма вероятно, что это лишь временное назначение. – Он сделал короткую паузу, затем добавил: – Тебе нужна такая перемена.

Он заметил, как напряглись плечи Райли, будто его слова ударили ее наотмашь.

– Мне нужно остаться там, где я работаю, – сказала Райли.

– Тебя никуда не гонят, Райли, – возразил Брайан. – Ты не знала отдыха с тех пор, как убили Санчеса, даже когда я советовал тебе отдохнуть. И я понимаю тебя. Ты из тех людей, которые нуждаются в напряженной работе, чтобы заглушить горе. – Он улыбнулся. – Ты не очень отличаешься в этом отношении от меня. – Выбравшись из-за стола, он подошел к ней ближе. – Это не наказание, Райли. Это передышка, смена ритма и, наконец, услуга мне, – прибавил он, надеясь, что его слова ей помогут.

Райли вздохнула. Это был мужчина, который осчастливил ее мать, который всегда был для нее, братьев и сестры отцом больше, чем настоящий отец. Брайан поступал так, как считал лучше для нее, она же не хотела ломать заведенный порядок, не хотела расставаться с людьми, к работе с которыми привыкла. Сейчас *не то* время, чтобы строить отношения с другими сотрудниками.

Все же, когда шеф вел себя таким образом, ему трудно было отказать, хотя она и знала, что кроется в действительности за его так называемой просьбой. И «услуги» здесь ни при чем.

Вздыхнув еще раз, она поняла, что не имеет иного выбора, кроме как уступить.

– Ладно, раз это важно, то, думаю, я смогу поработать в отделе ограблений – но до тех пор, пока ты не подыщешь кого-нибудь еще на это место.

– Спасибо, я знал, что могу на тебя положиться, – улыбнулся Брайан.

Она обратила внимание на то, что он не возражал ей по поводу временного характера перехода. Брайан же, чуть поколебавшись, продолжил:

– И еще одно.

Райли *знала* что. Она устало взглянула на отчима:

– В чем дело?

– Ничего серьезного, – заверил тот. – Я хочу, чтобы тебя освидетельствовал психиатр.

Райли прикрыла глаза, ища в себе силы.

– О боже, шеф, надеюсь не Хулиган.

– Нет, – успокоил он ее, смеясь, – не Хулиган. Твоя мама взяла на себя заботу об этом, – пояснил он в ответ на ее любопытный взгляд.

– Мама? – тихо спросила Райли.

Итак, они сговорились против нее, подумала девушка, почувствовав себя еще более одинокой. Она любила их, но неужели они не поняли, что она должна пережить это сама, по-своему? Неужели они не поняли, что ей нужно время, чтобы в памяти стерся облик Диего, лежащего посреди аллеи в луже крови, сердце которого проткнул кол, торчавший как зловещий символ в фильме ужасов?

Это ведь не насморг, от которого она должна избавиться, но ощущение огромной вины. Она должна была прикрывать его со спины.

Брайан кивнул в ответ на ее вопрос:

– Она убедила меня, что прием у Хулигана не поможет. Твоя мать предложила, чтобы ты показала какому-нибудь частному врачу.

Райли расправила плечи, как бы пытаясь обороняться. Он не раз видел, что так делают четверо его собственных детей.

– Но я сама справляюсь с этим.

Брайан знал, что мог привести убедительные аргументы, чтобы она не артачилась, но он просто попросил:

– Уважь меня.

Райли вздохнула. Она влипла.

– Сколько времени дается мне, чтобы найти этого типа? – Она не могла заставить себя произнести слово «психиатр». Признание этого слова означало бы допущение того, что она нуждается в помощи, тогда как она в ней не нуждалась. Ей нужно было только время, вот и все.

– Я бы предпочел, чтобы это было вчера, – честно признался Брайан, – но давай договоримся, что ты найдешь его до конца недели.

Она явно не была настроена искать психиатра, но ответила:

– Хорошо, сэр.

– Прекрасно, это то, что мне хотелось услышать. Теперь о твоём партнере – временном партнере, – буркнул он и увидел, что ее пальцы вцепились в подлокотники кресла, а сама она приподнялась в нём.

Снова усевшись в кресле, Райли продолжала сжимать подлокотники, словно хотела их оторвать.

– Мне не нужен партнер, – энергично запротестовала она. – Я могу работать одна.

– Так не работают, Райли, и ты знаешь это. Детектив ходит в одиночку лишь в одном случае – когда его или ее партнер серьезно заболел. Мы работаем командами, Райли, всегда

работаем так, – напомнил он. – Убийства, грабежи, пороки – не важно какой отдел – правила везде одинаковы.

Поскольку Райли уважала и любила Брайана, она решила быть с ним честной, раскрыть душу на короткое время.

– Шеф, если с моим партнером что-то случится прямо сейчас, я не сумею справиться с этим.

– Потому-то я и говорил, что тебе нужно сходить на прием к психиатру, – деликатно напомнил Брайан.

– Хотя, – пробасил голос позади Райли, – со мной ничего не случится, я весьма тронут, что ты беспокоишься об этом.

Настроенная на разговор с шефом, Райли не заметила появления кого-то еще позади нее. Голос, прозвучавший ниоткуда, его интонации чуть не заставили ее подпрыгнуть. В то же время этот голос показался ей знакомым.

Райли резко развернулась в своем кресле как раз вовремя, чтобы увидеть детектива Сэма Вьятта, прислонившегося мощным мускулистым телом к дверному косяку. Он несколько подался вперед, когда увидел, что она наконец заметила его.

– Доброе утро, шеф, – поздоровался Сэм, кивнув Брайану. – Вы меня звали?

– Вы знаете, как надо входить, детектив Вьятт, не так ли? – Брайан кивнул в ответ и жестом указал на кресло, стоявшее рядом с Райли. – Садитесь.

– Слушаюсь, сэр. – Вьятт разместился в свободном кресле, удостоив кивка и Райли. – Что касается манеры входить, я вынужден был так поступить, сэр. Однажды я подкрался к Макинтайр и едва увернулся, чтобы не получить прямо в грудь пулю из пистолета 22-го калибра. – Сэм улыбнулся широкой ослепительной улыбкой в две тысячи ватт. Той улыбкой, которая пленяла сердца женщин на расстоянии в шестьсот футов. – Ты все так же быстра, как прежде? – спросил он Райли.

Ей не было свойственно хвастать, но что-то в тоне Сэма заставило ее незамедлительно ответить:

– Еще быстрее.

Не оставляя ничего на волю случая, Брайан взял за правило знать как можно больше о детективах, работающих под его командой. Некоторое время назад он выяснил, что Сэм Вьятт и Райли были друзьями-соперниками, учившимися вместе в полицейской академии. Тридцатидвухлетний Вьятт не был лишен обаяния, имел яркую внешность, но, кроме того, зарекомендовал себя отличным детективом. Можно было не сомневаться, что он присмотрит за Райли, пока та снова не обретет боевую форму. Для Брайана эти два детектива были прекрасными партнерами – они позаботятся о безопасности друг друга как следует.

Он все узнал о Вьятте от Джо Баркера, командира Вьятта. Поскольку случилось так, что партнер детектива отправился на восток, чтобы быть рядом с захворавшим отцом, Вьятт нуждался в новом партнере.

Райли тоже в этом нуждалась.

– Ну, поскольку вы знакомы, я поручаю вам, Вьятт, помочь Макинтайр набрать темп.

Райли почувствовала себя неловко. Ей вовсе не хотелось переходить из отдела в отдел прямо сейчас. Обычно она не пользовалась покровительством, но в этот раз очень надеялась, что близость шефа к матери и к ней самой склонит чашу весов в ее пользу.

Сидя в кресле, Райли подалась вперед. Не обращая внимания на Вьятта и сосредоточившись целиком на шефе, она спросила:

– Так ли это необходимо?

– Да, это действительно нужно, – убежденно сказал Брайан.

Райли подавила желание вздохнуть. Сегодня не тот день, когда можно ожидать исполнения желаний.

– Хорошо, сэр.

– Ладно, вы свободны. – Брайан отпустил детективов.

Райли встала, Сэм – тоже. Она собралась выйти из кабинета, когда Брайан обратился лично к ней:

– И вот что, Райли...

Она остановилась и взглянула на отчима через плечо, надеясь, что тот передумает.

– Слушаю, сэр.

– Я хочу знать его имя в конце недели.

Психиатр. В связи с новыми событиями она почти забыла о нем. Сегодня вечером повода для радости не будет, подумала она.

– Хорошо, сэр.

– Что за имя? – спросил ее Вьятт, когда они вышли из кабинета шефа.

– Это тебя не касается, – резко ответила она.

Сэм пожал плечами, приняв на ходу ее выпад.

– Хорошо, но тебе нужно поторопиться.

Райли остановилась и стала разглядывать своего нового «временного» партнера. О чем он говорит? И почему я должна спешить?

– Потому что до конца недели остается три дня, – объяснил Вьятт, – шеф же предпочитает видеть на своем столе рапорты о проделанной работе в начале дня, а не в конце.

Кем себя воображает Вьятт, рассказывая ей о ее собственном отчиме? Неужели он полагает, что она живет взаперти?

– Не тебе объяснять мне, как ведет себя шеф, – раздраженно отозвалась она, удаляясь от Сэма.

– Правильно, Брайан твой отчим, – поднял он вверх руки, словно сдаваясь. – Знаю, знаю. – Сэм снова опустил руки и ускорил шаг, чтобы догнать ее. Неужели она хочет бегать наперегонки? – Я знаю также, что шеф, хотя он и твой отчим, не потерпит проволочек в деле. Такой он человек. – Сэм широко улыбнулся. – Но здесь я снова ломлюсь в открытую дверь. Ты ведь и это знаешь, не так ли?

«Господи, дай мне силы!» – взмолилась она.

– Это дело временное, ты знаешь.

– Знаю, – бодро откликнулся Сэм. – До тех пор, пока я не получу задание получше.

Райли бросила на него уничтожающий взгляд.

– Я должен был сказать, до тех пор, пока *ты* не получишь лучшего задания? – спросил он с невинным видом и снова улыбнулся. – Прости, я не хотел тебя обидеть, Макинтайр.

Подойдя к лифту, Райли нажала верхнюю кнопку.

– Не помню, – сказала она, – чтобы в академии ты был настолько нудным.

Вслед за ней Сэм нажал кнопку лифта ниже. Он показал взглядом, что она перепутала кнопки. Отдел борьбы с ограблениями находился на втором этаже. Отдел борьбы с убийствами – этажом выше. Она ведь больше не являлась сотрудником этого отдела.

– Забавно, – молвил он, – я как раз собирался сказать то же самое о тебе.

Райли вспыхнула:

– Ну, знаешь...

В это время подъехал лифт. Посторонившись, чтобы позволить Райли войти первой, Сэм последовал за ней и затем нажал кнопку второго этажа.

– Я понял. Ты в таком состоянии, будто у тебя из-под ног вырвали коврик. Это из-за гибели напарника, – сочувственно заметил Сэм. – Но единственный способ прочно стать на землю – это пережить горе и двигаться дальше. Я так считаю, – продолжил он. – Перестань жалеть себя, живи активно. Иначе шеф оставит тебя в отделе борьбы с ограблениями, где я буду твоей вечной нянькой.

Глава 2

То, что Вьятт посмел обмолвиться о том, что считает себя ее нянькой, заставило обычно сдержанный характер Райли накалиться до опасной степени.

Помилуйте, когда это она нуждалась в сиделке?

Неужели шеф думает, что ей нужен уход? Хуже того, неужели отчим поделился этой идеей с Вьяттом, когда задумал предложить ей в напарники эту самодовольную улыбчивую гиену?

От этой мысли по ее спине пробежал неприятный холодок. Она с трудом подавила приступ дрожи.

Что касается другого сравнения, которое только что допустил Вьятт, то оно свидетельствовало о его неразвитости. Сама идея такой аналогии показывала, как он далек от истины. Этот человек явно лишен интуиции и чувств.

– Твой напарник переехал в другой штат, – процедила Райли сквозь зубы. – Мой – убит, умерщвлен. – Она сделала упор на последнее слово. – Одно с другим настолько несовместимо, что я шокирована таким сравнением.

Упоминание о шоке вызвало в мозгу Вьятта особые ассоциации. Не в том значении, которое ему придавала она, но как обидное замечание.

На него нельзя было не откликнуться.

Однако Сэм знал Райли Макинтайр достаточно хорошо, чтобы понимать опасность дальнейшей пикировки с ней на эту тему, по крайней мере сейчас. И он выбрал более легкий путь аргументации.

– Они оба пропали.

– И ты, и мул дышат, однако это не значит, что вы одно и то же, – парировала она, затем добавила с некоторой желчью: – Несмотря на очевидное сходство.

Если она рассчитывала на то, что Сэм обидится или откажется от партнерства, то ее ждало разочарование. Ее обидные слова отскакивали от него, как капли дождя от свежего лакокрасочного покрытия капота автомобиля.

– Рад убедиться, что ты, как всегда, любезна.

– Только с теми, кто любезен со мной, – сама того не осознавая, улыбнулась она в ответ.

Лифт остановился на втором этаже. Его двери медленно раскрылись. Сэм вышел и подождал, пока она сделает то же самое.

– Один совет мудрой женщине – или, в твоем случае, мудрой ослице, – произнес он с бойким видом. – Лейтенант Баркер любит, чтобы детективы молчали, если только они не докладывают текущее дело.

Райли остановилась и взглянула на него:

– Ты, должно быть, смеешься?

Он ответил вопросом на вопрос с самым серьезным выражением лица:

– Я похож на человека, который шутит?

Райли не могла сказать определенно, дурачит ли он ее. Она смутно припоминала, что раньше Сэм отличался необыкновенным чувством юмора, но сейчас им и не пахло. Или так казалось.

– Когда дело касается тебя, трудно сказать.

– Я не шучу. – Он сунул руки в карманы и вновь двинулся по коридору в направлении комнаты для инструктажа. – Баркер любит две вещи: работяг и завершенные дела. Лично я думаю, – доверительно сообщил Сэм, – что Эванс придумал эту историю о болящем отце, поскольку больше не мог выносить лейтенанта.

– Эванс, – повторила она, пытаясь вспомнить, кому принадлежит это имя. Память ничего не подсказала. – Это, должно быть, твой напарник?

– Бывший напарник, – уточнил Вьятт. – Вознагради меня за это, девочка.

Райли снова остановилась:

– Вьятт?

Ее интонация послала Сэму сигнал, что надо быть настороже.

– Да?

– Ты снова называешь меня девочкой. Смотри, как бы тебе не оторвали незаменимую часть твоего тела, да так, что ты не успеешь опомниться. – Она произнесла угрозу с ангельской улыбкой на лице.

– Тогда очаровательные крохи вроде тебя остались бы ни с чем, – пробормотал он, обращаясь больше к себе, чем к ней.

Работа с Райли Макинтайр обещает быть нелегкой, подумал он.

Они подошли к комнате для инструктажа, Сэм открыл перед Райли дверь, гадая, не сочтет ли она его учтивость оскорбительной с позиций воинствующего феминизма. Но он не собирался извиняться за свою манеру поведения.

– Проходи, – пригласил он примирительно, – можешь заодно и Баркеру показать, чего он стоит.

Собравшись с духом, Райли вошла в комнату для инструктажа, где господствовала жуткая тишина.

Люди разные, беспорядок один и тот же, отметила она. На столах и корпусах компьютеров громоздились папки. Не одна кипа угрожала обрушиться в любую секунду, ожидая соответствующей вибрации со стороны, чтобы каскадом посыпаться на пол.

Райли привыкла думать об этом как об организованном хаосе и сама была причастна к его созданию, как и любой другой сотрудник. Она замечала, что не может четко мыслить, если поверхность стола свободна или если на ней аккуратно разложены папки. Когда же вещи были беспорядочно разбросаны по столу, ее мозги раскрепощались и быстрее думали.

Проходя с Вьяттом в конец комнаты, бывшей одновременно кабинетом Баркера, Райли кивала, здороваясь с несколькими знакомыми сотрудниками. Полицейское сообщество тесно связано, большинство детективов узнавали друг друга визуально, если не по репутации.

Райли, ее братьев и сестру хорошо знали, но не по заслугам или, наоборот, проступкам. Служа в полиции, все четверо воспринимались сотрудниками отпрысками плохо кончившего тайного агента.

Но такая репутация закрепилась за ними до того, как Брайан Кавано женился на их матери. Когда стало ясно, что шеф детективов после обмена супружескими клятвами в верности признал детей Лайлы своими, пересуды сразу прекратились. Почти все любили шефа и его приемных детей, которые тогда еще не уважали его или даже боялись.

Шефа детективов Брайана Кавано, младшего брата бывшего шефа полиции Эндрю Кавано, знали как справедливого начальника, который твердо верил в силу вежливых слов и большой дубинки. Он не только держал ее на всякий случай, но применял в разумных пределах. Никто не хотел попасть под горячую руку шефа. Все знали, что в такой ситуации можно легко лишиться карьеры.

Увидев, как детективы реагируют на его новую напарницу, Сэм заметил:

– Полагаю, что тебя не нужно кому-либо представлять.

– Как хочешь, – сказала Райли. – Если считаешь это полезным, я не буду возражать.

Вьятт что-то нечленораздельно пробормотал, она же не стала просить его высказаться более внятно. Инстинкт подсказывал, что так будет лучше.

Райли никогда не тушевалась при встречах с новыми людьми и даже начальниками. Но она почувствовала, как холодок – предчувствие? – пробежал по спине, когда увидела сквозь стеклянную перегородку, отгораживавшую кабинет Баркера, что тот сидит за своим столом.

Слово «тревога» рикошетом полетело в ее голове, не желая исчезать.

Постучав, Сэм стал ждать, когда лейтенант позовет его к себе.

Тот, по наблюдению Райли, казалось, не обращал внимания на стук. Может, он глух? Нет, скорее, Баркер намеренно тянул время, не отводя глаз от клавиатуры, набирая какой-то документ. Наконец, как раз в тот момент, когда она собиралась предложить Вьятту прийти для официального представления позже, Баркер оторвал от клавиатуры взгляд темно-карих глаз и молчаливо направил его на новых посетителей своей комнаты для инструктажа.

Бывший морской пехотинец, лейтенант Джозеф Баркер принадлежал этому роду войск всем существом. Он был военной косточкой от коротко подстриженных пепельно-серых волос до неулыбчивой манеры поведения. Райли почти физически ощущала на себе его взгляд, медленно перемещавшийся, будто совершая мгновенную инвентарную запись.

– Садитесь, Макинтайр, – произнес он наконец голосом, лишенным эмоций, но прозвучавшим не слишком дружелюбно. Когда Сэм попытался присоединиться к ней, Баркер предупредил его попытку занять второе кресло. – Нет, Вьятт. Если бы я пожелал, чтобы в кресло сел ты, то сказал бы тебе, верно?

Это замечание, напоминавшее удар под ребро, заставило детектива ретироваться.

– Виноват, лейтенант, не знаю, что на меня нашло. – Ироничный ответ был дан с широкой невинной улыбкой.

Чувство уважения Райли по отношению к новому напарнику стало формироваться во время ожидания реакции лейтенанта.

Взгляд, который Баркер устремил на Вьятта, был мрачнее тучи. Сэм удалился без дальнейших слов.

Вместо того чтобы начать разговор с Райли, лейтенант вернулся к своей работе.

Лишь через три минуты он вновь взглянул на нее.

Наконец-то, подумала Райли.

Непринужденно расположив на коленях руки, сознавая, что в некотором отношении она представляет своего отчима, Райли одарила сидевшего за столом мужчину поощрительной улыбкой.

Его первые слова прозвучали для нее как гром среди ясного неба.

– Я слышал, вы не смогли помешать убийству вашего напарника.

Райли почувствовала себя так, будто ее грудь пронзила стрела, выпущенная из арбалета. Баркер не мог бы сказать ничего худшего для нее, даже если бы старался это сделать. Возможно, он действительно старался.

Распрямив плечи и подняв подбородок, Райли ответила:

– Меня не было с ним в это время. Детектив Санчес пошел на дело один, никого не предупредив.

– Он был вашим *напарником*, Макинтайр. – Лейтенант сделал упор на слово «напарник». – Предполагается, что вы всегда должны прийти к нему на помощь. Или вас этому не учили в академии?

– Нас учили этому, – начала она как можно вежливее и явно удивила его продолжением, – но нам ничего не говорили о способности читать чужие мысли.

В его ответе явно слышались угрожающие нотки:

– Макинтайр, я не люблю дерзости.

Ситуация, в которой находилась Райли, отнюдь не обнадеживала.

– Это не дерзость, сэр, просто я выразила свою позицию.

– Я не требую от вас читать чужие мысли, – сказал Баркер жестким тоном. – Речь идет о том, что называется угадыванием и предвосхищением, – разъяснял он. – Если вы хотите здесь выжить, вам придется учиться этому. – Его тон стал почти враждебным, когда он спросил: – Полагаете, вы сможете осилить это, Макинтайр?

Боже, как ей хотелось защититься, осадить собеседника и поставить его на место. Но она знала, что этого делать нельзя. Она изо всех сил старалась говорить спокойно, словно его сарказм ее не касался.

– Полагаю, да, сэр.

– Хорошо, – смягчился он. – Пойдем дальше. Помогайте напарнику выжить, Макинтайр, и он оплатит вам тем же.

После этого лейтенант вернулся к своей работе.

Она сидела, слушая еще три минуты, как стучат клавиши. Он вел себя так, будто ее не было в комнате. Не было ли это своеобразным тестом на терпение? Или состязанием воли? Сколько еще ей суждено здесь сидеть?

Наконец, ее терпение лопнуло.

– Что-нибудь еще, сэр?

Баркер продолжал печатать, стук клавишей доносился ритмическим эхом.

– Если будет что-нибудь еще, Макинтайр, – ответил он, не поднимая головы, – вы узнаете об этом.

Собирается ли он уволить ее? Райли заметила, что сжимает подлокотники. Сегодня это случается уже второй раз, что не сулит ей удачи. Она взяла себя в руки:

– Значит, я могу идти?

Стук клавиш раздавался еще некоторое время, прежде чем Баркер произнес:

– Пожалуйста.

Райли без звука покинула кабинет.

Вряд ли отчим желал ей столкнуться с чем-либо подобным, думала Райли, прикрывая за собой дверь. От нее потребовался максимум самообладания, чтобы не хлопнуть дверью громко. Она знала, что Брайан Кавано добивался того, чтобы его лейтенанты руководили ответственно и пользовались авторитетом, но Баркер вел себя как нетерпимый диктатор.

Все складывается не очень хорошо, размышляла Райли.

Она могла бы пойти к отчиму и рассказать ему о том, что случилось, о том, что Баркер преднамеренно игнорировал ее и демонстрировал неуважение к ней. Но это выглядело бы нытьем, а она не хотела казаться побитой тварью.

Она всегда держалась достойно. Гордилась этим. И не видела оснований менять свое поведение.

Райли в конце концов убедила себя, что должна пройти через все и показать этому напыщенному наглецу лейтенанту, что она не собирается сдаваться, как какой-нибудь чересчур избалованный, ничего не соображающий салага.

Оглядевшись в комнате для инструктажа, она увидела, что Вьятт сидит за столом. Точнее, ее новый временный напарник, прижавшись к спинке кресла, раскачивал его так рискованно, что оно грозило опрокинуться назад.

Огромный Вьятт все еще не дорос до взрослого мужчины.

Все, что ни делается, к лучшему.

Вздохнув, Райли прошла к своему напарнику. Чем скорее она приступит к работе, тем скорее постигнет свою роль в этом отделе.

Кивнув ей, Сэм вернул кресло в нормальное положение.

– Что произошло? – спросил он весело.

– Ничего не произошло, – ответила она серьезно.

Вьятт не пытался смахнуть понимающую улыбку со своих губ.

– Видимо, возник небольшой конфликт?

В доли секунды этот человек превратился из союзника в антагониста.

– Ты считаешь это смешным?! – воскликнула она.

Райли заметила, что несколько сотрудников в комнате устремили взгляд в их сторону. Ей придется говорить приглушенным тоном.

– Да, считаю, – ответил он и, прежде чем она успела что-то сказать, добавил: – Это придает нам что-то общее. В самом деле. – Он окинул взглядом окружающее пространство и продолжил: – Это придает что-то общее тебе и каждому сотруднику в комнате для инструктажа.

Каждому сотруднику.

Пока Вьятт не указал на однополость обитателей комнаты для инструктажа, Райли не осознавала, что является здесь единственной женщиной. Поскольку не все столы были заняты, она полагала, что за некоторыми из них работали женщины, которые сейчас выполняют задания за пределами полицейского управления. Там, откуда она пришла, женщины-детективы были обычным явлением. Ее мать занималась патрулированием района до того, как ее ранили. Ее сестра, Тейлор, и кузины Кавано, которые стали единой семьей после того, как мать вышла замуж за шефа, и сейчас выполняют такие задания.

Насколько она знала, только две женщины Кавано, Пейшенс и Джанелл, не работали в полицейском управлении, но даже они поддерживали с ним тесную связь. Пейшенс была ветеринарным врачом и обслуживала центр дрессировки собак К-9. Она была замужем за офицером полиции. Джанелл же работала помощником районного атторнея. И тоже была замужем за полицейским детективом.

В качестве единственной женщины отдела Райли чувствовала себя крайне необычно.

Осмотрев помещение, она перевела взгляд на Сэма:

– Разве здесь нет женщин?

– Здесь? – переспросил он. – В управлении? Да, есть. – Он, полагал, что Райли имела в виду именно управление. – Здесь же нет. Судьба распорядилась так, что ты станешь первой женщиной-детективом в отделе борьбы с ограблениями. – Он улыбнулся, явно забавляясь ситуацией. – Ты полагаешь, что справишься с этим, Макинтайр?

Он говорит так, чтобы подзадорить ее, решила Райли. Хочет, чтобы она перестала думать о неудобной стороне назначения и воспринимала его как вызов. Оценив намерение Сэма, она решила воздать ему по заслугам.

– Ты не так глуп, как кажешься, Вьятт.

Замечание вызвало его безудержный смех.

– Бьюсь об заклад, ты говоришь это всем парням.

– Только тем, которые этого заслуживают. – Ей захотелось занять в комнате свое место, даже если оно было временным. – О'кей, где мне сесть?

Их взгляды встретились.

– В любом кресле, где поместится твоя задница, Макинтайр. Я бы сказал «прекрасная задница», но тогда ты, видимо, привлекла бы меня к ответу за сексуальные домогательства.

Отлично, он явно нуждается в знании ряда основных правил поведения в отношении ее.

– Я не нуждаюсь в посторонней помощи, чтобы защитить себя, Вьятт. Если ты вякнешь то, что мне не понравится – какую-нибудь непотребную вещь, – уточнила она, – то я дам тебе возможность пожалеть об этом. И не буду искать посредников.

У нее не было полной уверенности, но ей показалось, что он посмотрел на нее более уважительно.

– Это справедливо, – одобрительно кивнул Вьятт, прежде чем одарить ее новой, уже знакомой ей улыбкой. – Знаешь, Макинтайр, это может стать началом замечательной дружбы.

– Ты слишком опоздал для этого. Я уже хорошо знаю тебя, – напомнила Райли.

Взглянув на него, она поняла, как далека от того, чтобы с ним подружиться.

– Одно дело – иметь шапочное знакомство, здороваться с человеком, другое дело – работать с ним. Это разные вещи, Макинтайр, – сказал Вьятт.

Он прав, черт возьми, подумала она. Прав, поскольку дружба включала именно то, о чем говорил этот напыщенный субъект перед тем, как она покинула его кабинет за стеклянной перегородкой. Она будет оберегать жизнь Вьятта, он будет оберегать ее жизнь. Это предусматривало наличие уз, которые не могут связывать двух обычных знакомых.

– С ней, – поправила его Райли, – работать с *ней*.

Его следующее высказывание удивило ее. И главным образом потому, что ей была известна его репутация любимца женщин.

– Мне лучше не думать о тебе как о девушке, Макинтайр. Или как о женщине, – добавил он, полагая, что она станет поправлять его в отношении полового различия.

Она сдвинула брови в попытке понять, для чего Вьятт сказал это. Более того, как вообще он мог думать о ней в таких понятиях? Она *действительно* женщина. Или он настраивается на какую-нибудь изощренную остроту в ее адрес?

На всякий случай она спросила:

– Так кем же ты меня считаешь?

– Довольно соблазнительным парнем. – Он широко взмахнул руками. – Если мы наладим совместную работу, то тебе придется быть именно такой, Макинтайр. Парнем, выглядящим как женщина.

– Знаешь, Вьятт, ты чокнутый, – произнесла она со вздохом.

Именно сейчас она не питала больших надежд на то, что какая-нибудь из установок Вьятта сработает. Но шеф хочет, чтобы она работала здесь, и она не собирается бегать к нему с жалобами. Она не могла позволить человеку, которого уважала, думать о ней плохо.

Желая напомнить Вьятту, что он не ответил на ее вопрос о том, где она будет сидеть, Райли решила переформулировать вопрос:

– Где мой стол, Вьятт?

Он жестом указал на стол напротив себя. Стол выглядел столь же неряшливо, как и его собственный. При более пристальном рассмотрении складывалось впечатление, будто папки перебрались сюда с того стола, за которым сидел Сэм. Она взглянула на пару дел сверху.

– Чьи это папки? – спросила она Вьятта.

Почерк на обложке первой папки несколько напоминал тот, которым была сделана запись в блокноте на столе Вьятта.

– Мои, – ответил он, перекинув несколько папок на свой стол. – Я вроде как рассредоточил их после отъезда Эванса. – Он неловко собрал остальные папки и поместил на свой стол. – Ты знаешь, как это бывает.

– Нет, – возразила она, – не знаю.

Хотя столы Санчеса и Райли стояли напротив друг друга, как столы Вьятта и его бывшего напарника, она тщательно старалась избегать того, чтобы ее вещи приближались к столу Санчеса на расстояние, которое она называла «ничейной землей». После убийства Санчеса она собрала все вещи с его стола, поместила их в коробку и лично отнесла в дом матери покойного. Она помнила, что для них обеих это посещение закончилось слезами.

– Ну, теперь все в порядке, – сказал Вьятт и добавил: – Верь мне.

Верь мне.

В двух простых, кратких словах воплотилось все. Чтобы работать вместе, должна существовать определенная мера доверия. Но именно доверие не сохранилось в ее душе.

Она откровенно сомневалась, что сможет снова доверять кому-либо, помимо членов своей семьи. Сомневалась, что позволит кому-либо довериться ей. В обоих случаях существовал слишком большой риск.

Глава 3

Наступил первый полный день работы Райли в отделе борьбы с ограблениями, но ее напарник блистательно отсутствовал за своим столом.

Сначала она подумала, что он бросил ее и занялся каким-нибудь делом. Райли даже представляла в воображении, как он жалуется сочувствующему слушателю на то, что шеф детективов навязал ему новую напарницу.

Когда же за первым часом последовал второй, а Вьятт где-либо на этаже так и не появился, Райли стала выдвигать другие версии.

Компьютер Вьятта был выключен.

Вчера компьютер работал весь день, даже тогда, когда они ездили в другой конец Авроры допросить владельца ломбарда, которого ограбили. Как любой другой сотрудник, Вьятт включал свой компьютер по утрам и оставлял его в рабочем состоянии на весь день. Прошлым вечером он даже вернулся в учреждение, чтобы отключить машину перед уходом из комнаты для инструктажа на ночь.

Имело ли к ней отношение его отсутствие? Может, это был с его стороны молчаливый протест?

Райли нахмурилась. Она не находила ответов, вопросы же множились.

– Макинтайр!

В момент, когда лейтенант назвал ее имя, голова Райли резко дернулась вверх. Баркер стоял в дверях своего кабинета, глядя в ее сторону. Она мгновенно вскочила со стула, готовая отправиться по какому-нибудь полицейскому делу или поспешить в его кабинет, что бы ни приказал блюститель строгой дисциплины.

– Слушаю, сэр.

Казалось, Баркеру доставило некоторое удовлетворение то, что она быстро освоилась. В следующую секунду это впечатление пропало. Черты его лица точно окаменели, когда он спросил:

– Где ваш напарник?

Откуда, спрашивается, ей было это знать?

Она ведь не мама и не надзиратель Сэма.

Вслух же она ответила:

– Не знаю, лейтенант. Он к вам не заходил?

Баркер посмотрел на нее, как на лишенную разума одноклеточную амебу.

– Если бы Вьятт зашел, я бы знал, где он, не так ли? – Каждое его слово было насыщено сарказмом. – Макинтайр, вы сейчас немедленно займетесь новым делом. Найдите своего напарника и скажите, чтобы он явился сюда. Здесь не загородный клуб.

Если бы отдел был загородным клубом, она бы прямо сейчас заказала членскую карточку для себя, подумала Райли.

– Нет, сэр.

Собираясь вернуться к своему столу, лейтенант остановился и смерил ее через плечо мрачным взглядом, казавшимся уничтожающим даже с противоположной стороны кабинета.

– «Нет, сэр»? – повторил Баркер. Его тонкие брови приняли клинообразную форму.

Райли тотчас поняла, о чем думает Баркер, и осознала собственную ошибку. Не теряя времени, она разъяснила свой ответ:

– «Нет, сэр» означает, что отдел действительно не загородный клуб. «Да, сэр» означает, что я отправляюсь искать детектива Вьятта.

Баркер кивнул, мгновенно успокоившись.

– Следите за собой, Макинтайр, – назидательно сказал он. – Да убережет нас Бог от беспутных бродяг и грабителей, – пробормотал он себе под нос, удаляясь в свой стеклянный кабинет.

Инстинкт самосохранения Райли боролся с ее желанием стать хорошим детективом независимо от отдела, к которому она была приписана. Желание одерживало верх над инстинктом.

Она пересекла комнату и постучала в дверь кабинета лейтенанта, хотя та была еще открыта.

– Гм, сэр?

– Вы еще здесь, Макинтайр? – спросил он, не подняв головы, словно опознавая ее шестым чувством. – Я дал вам задание.

– Так точно, сэр, но речь идет о задании после этого задания. – Она поняла, что сбила его с толку, и уточнила: – О задании для Вьятта и меня.

– Налет на дом, – выпалил он, затем пробасил адрес. Это была более благоустроенная часть города и недалеко, где жила и сама Райли, заметила она. – Дело почти такое же, какое Вьятт отработал в прошлом месяце. Первое дело еще в разработке. Я хотел бы, чтобы его закончили.

Сотрудница отдела кадров на их этаже снабдила Райли адресом и номером телефона ее напарника, к чему присовокупила незатребованный комментарий.

Вирджиния Макки, весьма раскованная сотрудница отдела кадров, записала информацию на листочке бумаги беглым почерком и вручила его Райли.

– Радуйся, – подмигнула Вирджиния отнюдь не деликатно.

Райли сложила записку, но продолжала держать ее в руке, вместо того чтобы сунуть в карман.

– Нечему радоваться. Его ищет лейтенант.

– Ты ошибаешься, – возразила Вирджиния, улыбнувшись.

Райли понимала, что если ей суждено продержаться в отделе какое-то время, то она должна иметь союзников и вести себя дружелюбно, хотя меньше всего в этом нуждалась. Должно быть, эту цель ее отчим преследовал, когда переводил ее сюда. Пребывание и приспособление к новой обстановке давали какую-то перспективу и вынуждали ее двигаться вперед.

– И в чем я ошибаюсь?

– Здесь есть *много* оснований для радости, – сказала Вирджиния, указав на записку, только что переданную Райли.

Говорит как искушенная женщина, подумала Райли. Очевидно, Сэм Вьятт все такой же игрок, каким был прежде. По их совместной учебе в академии она знала, каким он был. Она припоминала, что, если девушка, удостоившаяся его внимания, отвечала на чувство, обладала требуемыми формами тела и улыбкой, Вьятт считал ее законной добычей.

К чести Вьятта следует сказать, что он никогда не шел напролом. С такой внешностью и телосложением, как у Вьятта, этого и не требовалось. Больше всего он нуждался в вошедшем в поговорку кнуте, чтобы отгонять ватаги женщин.

Как бы то ни было, это ее не интересует, сказала про себя Райли.

Зная номер телефона Вьятта, Райли не считала необходимым возвращаться к своему рабочему столу и звонить оттуда. Она отправилась в вестибюль и, остановившись у ниши рядом с комнатой отдыха для женщин, позвонила отсутствующему напарнику по мобильнику.

Звонок на другом конце линии прозвучал пять раз. На шестой звонок включился автоответчик. Райли нахмурилась.

Неужели Вьятт прогуливает? Когда вякнул сигнал, она стала говорить:

– Это Макинтайр, Вьятт. Тебя разыскивает лейтенант. Он велит передать, что тебе лучше побыстрее подгрести сюда, если не хочешь неприятностей. – Она внезапно пресеклась, как только услышала, как берут трубку телефона. – Вьятт?

– Да, послушай, я не приду. Скажи Баркеру, что беру на сегодня больничный.

Его голос звучал довольно раздраженно. Плохо провел ночь, предположила она.

– Ты серьезно болен?

– Никогда в своей жизни так себя не чувствовал, – прозвучал его уклончивый ответ.

Райли сделала паузу, не вполне уверенная, что Сэм ее не разыгрывает. И болен ли он вообще? Насколько ей было известно, он жил один. Может быть, нуждался в медикаментах. Как напарнице, ей пришлось бы их принести.

– Грипп?

– Нет.

Уже была середина октября. Дули ветры со стороны Санта-Анны, заставляя половину населения Калифорнии страдать от аллергий и гайморитов. Ее напарник, еще до Санчеса, запасался пакетами бумажных салфеток на все время, пока дули ветры. Может, и у Вьятта аналогичная проблема.

– У тебя гайморит, – высказала она догадку.

– Нет.

На этот раз его голос звучал правдиво. Она теряла терпение.

– Так чем же ты болен?

На другом конце линии последовала длинная пауза. Она уже собралась спросить, держит ли Вьятт трубку, как он заговорил:

– У меня ребенок.

– Что у тебя?

– Ребенок, – повторил он, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик. – Скажи, я приду завтра.

Связь прервалась, прежде чем она могла продолжить дальнейшие расспросы.

Сэм бросил трубку на рычаг телефона и посмотрел на сидевшую на диване прекрасную кроху, делающую из вежливости вид, будто поглощена телевизионной образовательной программой, которую он включил для нее.

В шесть лет от роду она, видимо, уже овладела всем, чему ее могли научить эти разноцветные, пушистые, подвижные крохотные существа, плясавшие на экране.

С момента достижения половой зрелости и осознания этого к явному своему удовольствию Сэм никогда не испытывал затруднений в определении того, что нужно делать в *любой* ситуации.

За исключением этой.

Что он будет делать с ней, черт побери?

Ничто из того, что он пережил за последние двадцать лет, не подготовило его для этого. Но «это» все-таки случилось, и теперь он должен был справиться со всей ответственностью.

– О, дьявол!

Сэм потер лицо рукой, чтобы заставить себя думать. Но вместо выработки плана действий он смог только оживить в голове утренние события, произведшие эффект землетрясения. Любопытный в то, что обнаружилось, счел бы это драматизацией события, что же касается самого Вьятта, то это действительно была драма.

Прежде он никогда не был отцом.

Он полагал, что когда-нибудь станет им. Но сам выберет подходящее время для этого. Он чувствовал, что только после того, как женится, сочтет свою холостяцкую жизнь законченной.

Сейчас же подходящих кандидатур не было. Однако он явно стал отцом, не заимев предварительно супругу, которая бы его устраивала.

Что же делать?

Дверной звонок прозвучал утром как раз в то время, когда он собирался идти на работу. Это – новая напарница, пронеслось у него в голове. Нет, он не ждал в гости ни ее, ни кого-либо еще, но, если кто-то пришел по неизвестной ему причине, он сделал ставку на Макинтайр.

Проиграл бы, тоже неплохо.

Когда Сэм открыл дверь, в коридоре стояла женщина, которую он никогда прежде не видел. Она держала за руку хорошенькую маленькую девочку, почти куколку. Изыщная, белокурая, голубоглазая, девочка выглядела маленькой принцессой. Она совсем не походила на темноволосую женщину, с которой пришла.

– Боюсь, что вы ошиблись квартирой, – сказал он женщине.

Женщина, однако, не проявляла готовности уходить.

– Детектив Вьятт?

Его «да?» было произнесено с настороженностью. Служба в полиции сделала его имя известным в среде сомнительных элементов.

– Сэм Вьятт? – допытывалась женщина.

– Да. – Его глаза сузились, когда он рассматривал женщину, стоящую в дверях. – Разве я вас знаю? – Это был бессмысленный вопрос, поскольку он гордился памятью на лица.

– Нет. Но вы знали мать Лайзы. – Женщина кивнула в сторону малышки. – В библейском смысле, – подчеркнула она. – Андреа Колтрейн.

Он хорошо помнил также и имена. Когда женщина упомянула Андреа, ее облик сразу встал перед его глазами. Видение сопровождали полдесятка воспоминаний, слившихся в быстро промелькнувшее в воображении слайд-шоу.

Андреа, спокойная и статная женщина, оказалась страстной любовницей. Настолько страстной, что одно время он задумал связать себя супружескими узами с симпатичным налоговым адвокатом, но не выпало случая.

Их отношения вдруг остыли необъяснимым образом. Не предупредив, Андреа рассталась с ним. Пару раз он звонил ей. Во второй раз искусственный металлический голос сообщил, что номер, который он набирает, больше не действует. Узнав, что она переехала, он понял все.

Ему никогда не приходила в голову мысль, что Андреа переехала по какой-либо иной причине, кроме как из желания сменить партнера. Во время их совместной жизни она настаивала на своей полной свободе.

Взглянув на малышку, он испытал неловкое ощущение, которое подсказало, что его предположение было ошибочным.

– Где Андреа? – спросил он женщину.

Вместо ответа, она передала ему конверт из оберточной бумаги восемь на десять, а затем, все еще держа за руку малышку, прошла в его комнату.

– Меня зовут Кэрол Джилберт. В последние пять лет я работала вместе с Андреа. – Она кивнула на конверт. – Это объяснит все.

Работала?

У Сэма возникло тревожное ощущение, что имелась особая причина для употребления глагола в прошедшем времени, и совсем не потому, что она переехала в другое место.

Нашупав пальцами застежку конверта, он взглянул на Кэрол:

– Что здесь?

– Вкратце: «Поздравляем, детектив Вьятт, вы стали папой». – Она легонько подтолкнула малышку вперед. – Эта ваша дочь, Лайза. Ей шесть лет. – Кэрол наклонилась, приблизив лицо к малышке. – Поздоровайся с папой, Лайза, – ласково сказала она.

Чуть расширив васильковые глаза, малышка застенчиво улыбнулась и произнесла чистым и нежным, как весенний ветерок, голосом:

– Здравствуй!

Внутри Сэма все запротестовало: *нет!* – даже после того, как он посмотрел сверху вниз в голубые глаза малышки. Да, Лайза была дочерью Андреа. Совершенной миниатюрой своей матери.

Слово «совершенная» не подходит, подумал он, почувствовав, как потяжелело на душе.

Несмотря на то что женщина собиралась уходить, Сэм попросил ее остаться, пока читал письмо и завещание, вложенные в конверт. Затем он забросал ее вопросами, пытаясь примириться с резким поворотом в течении своей жизни.

Андреа, сбитая неделю назад насмерть пьяным шофером, оставила весьма специфичные распоряжения по поводу того, кому следовало позаботиться о Лайзе в случае ее непредвиденной смерти. Андреа, единственный ребенок родителей, которые умерли, считала, что Лайзу должен воспитывать по крайней мере один родитель, и он, Сэм, отвечал этому минимальному требованию.

Он остановил свой взгляд на дате рождения, записанной рукой Андреа. Очевидно, Лайза стала плодом двух «бурных, романтических» месяцев, которые они с Андреа провели вместе. Обнаружив, что беременна, Андреа решила воспитывать Лайзу самостоятельно, и вот она погибла.

«Я не имею ничего против тебя, Сэм, – читал он. – Но тогда ты не произвел впечатление, что станешь хорошим отцом. Когда ты читаешь это, обстоятельства уже другие. Лайза чудная, сообразительная малышка – разве она может быть иной при таких родителях, как мы с тобой? Теперь она нуждается в твоей любви и поддержке. Если бы я могла видеть вас! Хорошо позаботься о ней. Это – бесценное сокровище».

Он сложил письмо, впервые узнав точно, что чувствует бабочка, припигиленная булавкой.

Ответив на вопросы и передав ему ключ от квартиры Андреа, где хранились другие вещи Лайзы и нужные документы, Кэрол ушла. По настоянию Сэма она сообщила ему номер телефона, по которому с ней можно было связаться. Это был рабочий номер, но и он кое-что значил.

Сэм был не слишком красноречив в разговорах с женщинами моложе двадцати одного года, но знал, что если в ближайшее время не произойдет чуда, то научится этому. И научится быстро.

Сэм не мог отделаться от впечатления, что он ребенок, а она – взрослая женщина. Казалось, Лайза деликатно потакала ему, соглашаясь с его предложением позавтракать, – он смог предложить только яичницу, потому что не мог себе представить, что шестилетний ребенок пьет кофе. Девочка покорно садилась на диван смотреть телевизор, если Сэм включал его для нее.

Когда он менее чем через час после ухода Кэрол снова услышал звук дверного звонка, то в его груди затрепетала надежда. С горячими мольбами он подумал, что Кэрол внезапно передумала отдавать ему малышку и решила вместо этого оставить ее у себя, в общих интересах.

Не теряя времени, он поспешил открыть дверь.

Надежда умерла безжалостной мгновенной смертью, рухнув на землю, подобно падающей комете.

– Ах, это ты... – В раздумье он посторонился, давая Райли войти.

Но она оставалась стоять как вкопанная. Он действительно выглядел потрясенным. Между ним сегодняшним и тем блестящим оперативником, которого она видела вчера, пролегла уйма световых лет.

– Не надо духового оркестра, Вьятт. Фанфары только смущают меня, – съязвила Райли, переходя к тому, ради чего пришла. – Лейтенант Баркер разъярен.

Настроение лейтенанта беспокоило Сэма в данный момент меньше всего. Но он сейчас нуждался в работе более чем когда-либо. Малышку, появившуюся на свет по воле случая, нужно будет кормить и одевать. Затем отправить учиться. Если ему повезет, она окажется талантом, быстро проходящим ступени карьеры и демонстрирующим интеллект, притягивающий ученые степени.

Он украдкой взглянул на Райли. Пока ему не очень везло в это утро.

– Что ты ему сказала?

– Что ты держишь злоумышленника на поводке, а я встречу с тобой у его предполагаемого логова. Он хочет, чтобы мы передали это дело Рафферти и Келлогу, – сказала она, упомянув имена двух других детективов. – Кажется, прошлой ночью ограбили еще один дом. Только час назад позвонили по номеру 911. Детали ограбления те же, что и в деле, которое мы вели. Кроме того, Баркер пробормотал что-то о беспутных бродягах и грабителях. Мне кажется, он посмотрелся слишком много боевиков.

Закончив, она устремила взгляд мимо него на интерьер квартиры. Поскольку Вьятт формально не приглашал ее, она решила взять это дело в свои руки и переступила порог.

– Что ты там говорил о «ребенке»? – спросила она. – Это какая-то аббревиатура?

– Да. – Сэм затворил за ней дверь и жестом пригласил Райли последовать за ним в комнату. – Это сокращенное понятие «большой беды».

Едва собравшись попросить разъяснений, она заметила на диване белокурую девушку. Разъяснений не потребовалось.

Глава 4

Остановившись в комнате, всего в нескольких футах от входа, Райли переводила взгляд с ребенка, сидевшего на диване, на Вьятта и обратно. К ее удивлению примешивалось недоверие. Меньше всего она ожидала обнаружить в квартире Вьятта малышку, рядом с которой лежали коробка и пара чемоданов.

Она приветливо улыбнулась девчужке. Официально представляя семейство Кавано благодаря замужеству матери, Райли теперь была тетей для множества детей разных размеров, форм и возрастов. Дети олицетворяли невинность и чистоту.

Каждый человек должен оставаться ребенком возможно дольше, подумала она. Ее захлестнуло желание опекать малышку.

Проходя в комнату, Райли чувствовала, что за ней следует Вьятт.

– Привет! – поздоровалась она с малышкой. – Я Райли. А тебя как зовут?

– Лайза, – последовал быстрый вежливый ответ.

Райли оглянулась на Вьятта за разъяснением.

– Твоя племянница? – высказала она догадку.

Вместо ответа, Сэм взял ее под локоть и повел на кухню.

Но прежде чем они пришли туда, подала голос Лайза:

– Я его дочь.

Райли застыла на месте, не доходя до кухни, и взглянула на своего напарника.

– Она сказала, что?..

В голосе не было детской шепелявости или младенческой невнятности, которые помешали бы разобрать сказанное. Произношение Лайзы было идеальным, как у не по летам развитого вундеркинда, намеревающегося завоевать мир.

Сэм кивнул:

– Да.

Райли была уверена, что ей чего-то не хватает.

– Твоя дочь, – произнесла она, ни к кому не обращаясь.

В этот раз ответ Сэма прозвучал как грозный пушечный выстрел:

– Да.

В последние годы полицейское управление разрослось, но детективы составляли весьма компактную группу. Их было меньше, чем полицейских в форме, все на виду. Но не было и намека на то, что Вьятт – более чем обычный жеребец. Если бы у него появилась малышка, кто-то обмолвился бы об этом.

– С какого времени?

Он глянул через ее голову в гостиную и на ребенка с безупречной посадкой. В ее возрасте он обычно сворачивался в клубок, когда смотрел телевизор. Лайза выглядела так, словно ожидала встречи, а не смотрела в голубой экран. Она сидела прямо, положив руки на колени.

– Очевидно, лет шесть назад, – сказал он со вздохом.

Райли смерила его изучающим взглядом. Детектив казался выведенным из равновесия. В последние несколько лет им приходилось встречаться часто, но она не могла припомнить, чтобы он когда-нибудь был так расстроен.

– Когда ты узнал о ней?

Сэм взглянул на часы:

– Два часа назад плюс-минус пять минут.

Он не проявлял желания откровенничать добровольно, поэтому она взяла на себя выяснение обстоятельств появления девочки.

– Почему женщина, которая явно способна не выдавать тайну рождения ребенка, оставила свою дочь тебе? Просто так? – В это трудно было поверить.

Он не знал почему, но внезапно почувствовал потребность защитить Андреа.

– У нее не было возможности выбирать, поскольку она понимала, что... – Он закончил упавшим голосом: – Умирает.

Сильно смутившись, Райли бросила взгляд через плечо в гостиную:

– Если ее мать умерла, то как Лайза...

Вьятт прервал ее до того, как она успела договорить:

– Лайзу привела подруга Андреа. Она также принесла с собой письмо и копию ее завещания.

Согласно документу, его внезапно явившаяся дочь владела небольшим трастовым фондом, зарегистрированным на ее имя, но не могла им воспользоваться до достижения восемнадцати лет. Значит, через двенадцать лет, подумал Сэм.

Имя женщины ничего не значило для Райли.

– Как я понимаю, Андреа была твоей... – Она не закончила предложение, подыскивая правильное слово и надеясь, что Вьятт поможет ей в этом.

– Андреа никем для меня не была, – сказал он решительно.

Что касается собственных ощущений Сэма, то до этого утра Андреа принадлежала его прошлой жизни. Она была просто женщиной, с которой он встречался. Но сейчас она стала матерью его ребенка. Ребенка, о существовании которого менее трех часов назад он и не подозревал.

– Если малышка в соседней комнате твоя дочь, то в ней должно быть «что-то» от тебя. – У Райли возникло много разных вопросов. Она задала первый, показавшийся ей логичным, вопрос, который пришел в голову. – Ты уверен, что она твоя?

– Если ты имеешь в виду тест на ДНК, то нет, не уверен. Но у Андреа не было оснований лгать. – Эта женщина не оповещала его о ребенке, когда была жива, и могла изобрести фальшивую версию. – Андреа независимая... была очень независимой женщиной. – Хотя она составляла часть его жизни более шести лет назад, было трудно думать о ней в прошедшем времени. – Это многое объясняет, – сказал он более себе, чем Райли.

– Например? – спросила Райли. Ее разбирало любопытство.

На мгновение он словно забыл о существовании напарницы.

– Почему она так внезапно исчезла? – промолвил он наконец. – Однажды мы поговорили о том, чтобы освободить для нее ящик в моем шкафу. Потом, – он хрустнул пальцами, – она ушла.

– Несмотря на соблазнительное предложение освободить ящик и предоставить ей четыре вешалки? – удивилась Райли. – Хм, женщина не знает, где ее благо.

Сэм взглянул на нее раздосадованно:

– Сарказм не очень тебе удастся.

– Забавно, мне всегда казалось, что удастся. – Райли посерьезнела и спросила: – Ты пытался ее найти, после того как она исчезла?

Обычно он не пытался. Но ведь никакая другая женщина не пропадала таким же образом, как Андреа.

– Да, пытался.

– Очевидно, не очень-то старался. – Она заметила, что Сэм обиделся, и объяснила, почему так думает. – Ты детектив, Вьятт. Поиски таких вещей, как люди, в твоей компетенции. В данном же случае ты ничего не нашел.

Последовал вздох разочарования с его стороны. Может, Райли и права. Может, в глубине души он и не хотел найти Андреа, если значил для нее так мало, что она покинула его без единого объяснения. Сейчас он сожалел, что не был настойчивым.

– Да, но ведь она сменила квартиру, работу и телефонный номер. Насколько мне известно, она поменяла и фамилию. – Он пожал плечами, стремясь стряхнуть воспоминания о прошлом инциденте. – Полагаю, у нее появилась мания преследования.

Этот мужчина не мог преследовать женщину, подумала Райли, отмечая его оправдание. Он был из тех, кто притягивает женщин.

– Вот что ты получаешь за ношение костюма Годзиллы даже тогда, когда не празднуется Хеллоуин, – выпалила она.

– Ее преследовало чувство ответственности, – уточнил Сэм. Он заметил, что Райли открыла рот, чтобы возразить. – Знаешь, не только парней мучает это чувство. Женщины бывают озабочены им не менее.

Райли отступила. Она действительно не могла с этим спорить. Ее собственная сестра, Тейлор, принадлежала к женщинам такого рода, пока любовь не устроила ей ловушку и не подбросила высокого, темноволосого, стройного частного следователя. Теперь, как знала Райли, Тейлор не могла представить себе жизнь без него.

Вместо того чтобы поделиться этими мыслями с Вьяттом, она спросила:

– Значит, ты позволил ей уйти?

– Я не стал играть роль сталкера, – поправил он ее. – Когда мы были вместе, наши отношения развивались как надо, но когда она ушла таким образом – все было кончено.

Райли оглянулась на малышку в гостиной. Лайза все еще сидела выпрямившись и глядя в телевизор.

– Очевидно, нет, – сказала Райли, указывая на девочку. – Что ты собираешься делать дальше?

Это был вопрос на шестьдесят четыре миллиона долларов.

– Черт его знает.

Райли подняла вверх палец:

– Ладно, во-первых, не ругаться.

– Я не ругался, – возразил Сэм.

– Это еще не те стандарты, к которым мы привыкли, – согласилась она, – но упоминания черта и проклятий относятся к разряду мелких ругательств. – Эти слова, видимо, его не убедили, поэтому она продолжила разъяснение: – Поразмысли над этим в тех же понятиях, в каких ты думаешь о марихуане, влекущей наркомана к употреблению кокаина. Оба наркотика нелегальны, просто один из них считается более опасным, чем другой. Кроме того, – она выставила другой палец, – тебе нужно подыскать кого-то, кто мог бы побыть с Лайзой, пока ты на работе.

Сэм еще не задумывался над этим. Его разум словно парализовали попытки справиться с первым потрясением. Сейчас, когда проблема вышла на поверхность, он не видел выхода. Не было человека, к которому можно было обратиться.

– Все мои знакомые работают в полицейском участке.

Во время их учебы в академии Сэм не упоминал о своих родственниках. Райли не имела представления о его семейном положении.

– Помощью близких не можешь воспользоваться?

У него были близкие, или, точнее, один родитель. Его отец жил в пенсионном сообществе.

– В Аризоне. Это что-то вроде зоны досуга для убийц.

Райли перестала его слушать после упоминания Аризоны.

– Дай мне подумать, что можно сделать. – Она вынула свой мобильник.

Когда она нажала кнопку клавиатуры, он спросил:

– Кому звонишь?

Райли подняла руку, жестом попросив его хранить молчание, пока она пользуется телефоном.

– Бренда? Это Райли. Послушай, я понимаю, что всего не скажешь в двух словах, и не хотела бы тебя обременять, но моему напарнику нужен помощник для ухода за маленькой девочкой. Шесть лет, – ответила она на вопрос своей сводной сестры. – Ее мать умерла и... – Райли снова сделала паузу, в этот раз не из-за вопроса, но из-за выражения Брендой соболезнования напарнику и его дочери. Следующие слова Бренды вызвали ее широкую улыбку. – Спасибо, Бренда, ты – милашка. Мы будем у тебя очень скоро. – С этими словами она выключила мобильник.

– Где мы будем? – стал допытываться Вьятт, как только она закончила телефонный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.